

Зелянская Н.Л. Творчество Ф.М. Достоевского 40-50-х годов XIX века в пространстве семиосферы русской прозы: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Новосибирск. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a390.php>.

Рева Е.К. «Фельетон – почти... главное дело» (К вопросу о роли фельетонного жанра в романах Ф.М. Достоевского) // Фельетон: вопросы теории, истории и практики: учеб. пособие. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 47-71.

Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. Вып. 2. Художественные и научные категории. С. 113 - 127.

Шер Е.Ю. (Екатеринбург)

«Чужое слово» А.С. Пушкина в романе

В.К. Кюхельбекера «Последний Колонна»

Вторая часть романа В.К. Кюхельбекера «Последний Колонна» характеризуется (по сравнению с первой) сосредоточением, уплотнением времени и пространства, способствующим более интенсивному постижению образа человека (явление, которое М.М. Бахтин назвал «особым сгущением примет времени на определенных участках пространства» [Бахтин 1975: 399]). Сюжетные события только тогда «конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью», когда хроно-топ, в котором как раз «завязываются и развязываются основные сюжетные узлы» [Бахтин 1975: 398], полностью раскрывает свой ценностный смысл.

В I части «Последнего Колонны» основным центром сюжетных событий романа являются пространственные перемещения героев (дорога из Ниццы в Петербург и далее – в Малороссию), что способствует созданию образа Колонны, который в тех или иных ситуациях освещается с разных сторон – извне (в письмах персонажей) и изнутри (в собственных письмах героя). Во II части ведущее начало в хронотопе, безусловно, отведено «эмоционально-ценностной категории времени» (М.М. Бахтин), «сгущение» которого служит более глубокому проникновению в духовный мир героя, интенсификации постижения его внутренней драмы.

И время, и пространство во II части (в сравнении с I частью) становятся предельно сконцентрированными – 2 месяца в селе Прелево. Масштабность окружающего мира, воссозданного в первой части (вся Европа и Петербург), сужается до пределов небольшого села. Тихое, замкнутое пространство жизни дает автору возможность развернуть внутренний конфликт. Исключая из повествования действие «внешнее», В. К. Кюхельбекер тем самым сосредоточивает внимание на важности драмы, разыгрывающейся в душе героя, к которой так или иначе

оказываются причастны и другие персонажи романа. Этой же сменой авторских акцентов обусловлена и замена писем, предполагающих обращенность к другому, записями из дневника – документа самопознания, самовыражения личности. Однако динамизм повествования не утрачивается, он лишь обретает иную природу. Если в первой части романа письма (всего 9) датируются с интервалом в несколько месяцев, то во второй части и письма героев (а их немного меньше – 7), и записи в дневнике Джованни Колонны становятся практически ежедневными, что подчеркивает напряженность, насыщенность духовной жизни персонажей.

В то же время уединенность места пребывания и ограниченность круга общения как будто бы предвещают бессобытийность и спокойствие дальнейшего развития действия II части романа. И в самом деле, наиболее точно ощущение как будто бы «остановившейся» сельской жизни выражает Глафира Ивановна Перепелицына, приживалка в доме Пронских (письмо 15): «Сердечно радуюсь переезду в Петербург: мне, право, надоела ваша Полтавская губерния, а пуще знаменитое село ее превосходительства – Прелево! Село Прелево – и зимою, куда, кажется, и ворон костей не заносит, потому что соседи почти вовсе перестали к нам ездить! <...> К нам не ездят, а мы и подавно. <...> ...сиди себе с больною старушкой с утра до вечера, играй с нею в пикет, корми ее моську, перечитывай в сотый раз романы Вальтера Скотта и вечную "Федру" Расина, а для разнообразия, пожалуй, гадай хоть в карты или лей о святках олово... Куда как весело!» [Кюхельбекер 1979: 558. Выделено нами – Е.Ш.].

Юрий Пронский свое первое письмо из родового имения в Прелево начинает рассуждениями о деревенском быте, разительно отличающемся от светского образа жизни, «приятного во всех отношениях» (письмо 12): «Если кто провел несколько лет в полуденных краях, где не знают ни снегу, ни морозов, тому при возвращении в наше ледяное отечество непременно должно прожить хоть первую зиму в Москве или Петербурге. В столичных гостиных, так же как в Италии, зимы не замечают. <...> ...конечно, было бы приятнее переждать стужу то в ложе Михайловского театра, то где-нибудь на балу ... чем в нашей милой Малороссии, которая вовсе не рай земной, особенно "в последних числах декабря". Здесь у меня перед окнами тянется необозримая снеговая степь; в так называемом саду торчат сухие остоны черешен и яблонь; суметы в полдерево; вороны каркают по кровлям; по полю пляшет вьюга» [Кюхельбекер 1979: 546. Выделено нами – Е.Ш.].

Нам представляется важным тот факт, что приведенный отрывок включает неточную цитату из поэмы А.С. Пушкина «Граф Нулин» (1825) с последующим ее переложением (пересказом):

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег

Да вой волков ...

[Пушкин 1949: 237. Выделено нами – Е.Ш.]

В цитате из письма Пронского используется лишь одна строка из «Графа Нулина», к тому же в искаженном виде. Но она моментально вызывает в памяти читателя целый «шлейф» ассоциаций, связанных с пушкинским текстом. Кюхельбекер подкрепляет эти ассоциации собственными приметами «презренной» деревенской «прозы». При этом в сознании читателя возникает образ сельской, провинциальной глуши, малороссийской (но такой похожей на русскую) деревни.

Для чего Кюхельбекеру понадобилось обращение к «Графу Нулину»? Вводя пушкинский текст в свой романский дискурс, Кюхельбекер намеренно акцентирует на этом читательское внимание, выделяя слова кавычками – как «чужое слово» в составе «собственного» слова героя. Значит, заимствование далеко не случайно. Для того чтобы понять значение и, следовательно, роль текста-первоисточника, вспомним: говоря о первом этапе пушкинского реализма, исследователи называют его отличительной особенностью, проявившейся в поэме «Граф Нулин», стремление к эстетическому освоению обыкновенного. Отсюда нарочитая подчеркнутость обычности, заурядности обстановки, событий, героев [см. об этом: Благой 1950: 219-222; Гуковский 1967: 60-64; Макогоненко 1974: 40-49]. Ю.М. Лотман, например, рассматривая разные варианты употребления Пушкиным слова «проза», пишет: «Пушкин, с одной стороны, иронически использует выражение поэтик XVIII в., считавших прозу низменным жанром, а с другой – отстаивает право литературы на изображение жизни в любых ее проявлениях, включая и наиболее обыденные» [Лотман 1983: 215].

Следует заметить, что ранее Кюхельбекер в своем творчестве уже использовал данный пушкинский текст, предуготовляющий атмосферу всеобщего уныния и намекающий на мелочность («от нечего делать») совершающихся поступков. Так, в «Русском Декамероне 1831-го года» описание основного действия повествователь предваряет пространным рассуждением о причинах, побудивших героев заняться чтением, когда «все остальные средства борьбы с бездельем им надоели»:

«В последних числах сентября / В деревне скучно! – сказал много читаемый ныне стихотворец, в сочинения коего заглядывал и я ... Впрочем, должно признаться, что стихотворец сей говорит иногда правду и даже правду горькую. По крайней мере в приведенной мною, хотя и не слишком витиевато изложенной, апофегеме я совершенно согласен с ним. <...> А если сие справедливо, читатели, что скажем о последних числах октября, ноября, декабря? <...> Что ... делать? Чем спастись от скуки, болезни хоть и менее убийственной, нежели холера, но все-таки тягостной?» [Кюхельбекер 1979: 504-505].

Неужели Кюхельбекер и в «Последнем Колонне» использует пушкинский текст для сгущения атмосферы «тягостной» скуки, толкающей героев на бессмысленные и смешные по своей сути поступки, как это было в «Графе Нулине»? Вероятно, все-таки нет. Отсылка к Пушкину в

романе Кюхельбекера, напротив, создает эффект «обманутых ожиданий», когда, казалось бы, тихая, размеренная жизнь, не предвещающая ничего, кроме неизбежной «скуки», обыденности, неожиданно оборачивается действием, насыщенном трагическими событиями. Несомненно, использованный прием усиливает потрясение, которое испытывает читатель, не ожидающий подобной («ужасной», по признанию самого Кюхельбекера) развязки. В то же время акцентуация внимания читателя на семантически ярком «заимствовании» из поэмы Пушкина «Граф Нулин» в очередной раз указывает на объективную невозможность для человека незаурядного проявить себя, приложить силы духовные «с пользой для дела», что еще острее (яснее) обнаруживается в этом подчеркнуто заурядном бытовом укладе деревенской жизни. Противоречие между «глубокостью натуры» и «жалкостью действий» (В.Г. Белинский) чревато трагическими последствиями: Колонна, «мечтавший вписать страницу в мировую историю», впишет «лишь очередной эпизод в петербургскую уголовную хронику», что, по справедливому замечанию Е.М. Пульхритудовой, невольно заставляет нас вспомнить «Героя нашего времени» [Пульхритудова 1960: 135]: «...гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума...» [Лермонтов 1957: 294].

Литература:

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. Лит., 1975. С. 234-407.

Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина : в 2 т. М. : Худож. лит., 1950. Т. 1.

Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Наука, 1967.

Кюхельбекер В.К. Последний Колонна // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 519-568.

Кюхельбекер В.К. Русский Декамерон 1831-го года // Там же. С. 501-518.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. : в 6 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. Проза. С. 202-347.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1983.

Макогоненко Г.П. Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы. (1830-1833). Л. : Худож. лит., 1974.

Пульхритудова Е.М. «Лермонтовский элемент» в романе В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна» // Филологические науки. 1960. № 2. С. 126-138.

Пушкин А.С. Граф Нулин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 4. С. 235-248.